

**БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Э. ПАУНДА  
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ  
«НОЧНАЯ ЛИТАНИЯ» И «ОССИДИТ»)**

*(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. Г. В. Синоло)*

Э. Паунд – один из крупнейших представителей англо-американского модернизма. Его творчество во многом служило образцом для английских и американских писателей и поэтов. Паунд повлиял на творчество американских поэтов «исповедального направления», битников и «Блэк Маунтен». По словам Э. Хэмингуэя, «любой поэт, который родился в нашем веке или в конце прошлого и может честно сказать, что он не испытал влияния Паунда или не научился на его произведениях множеству вещей, не достоин даже упреков – только жалости...» [6, с. 228].

Поэт, как известно, резко противопоставлял свое мировоззрение христианству, отрекался от него и склонялся скорее к язычеству, если не в реальной жизни, то в мире искусства. В языческих культурах, если быть точнее, в язычестве греческом, Паунд видел естественное и живое проявление духа прекрасного, вольного стихийного начала, связанного с искусством, которое Ф. Ницше определял как дионисийское. Тем более интересным и специфическим представляется диалог с Библией, несомненно проявленный в пространстве поэтических произведений Паунда.

Наиболее ярко библейские аллюзии представлены в ранней лирике Э. Паунда. Характерные особенности диалога с Библией на этом этапе особенно выражены в стихотворениях «Ночная литания» и «Occidit».

Стихотворение «Ночная литания» написано под впечатлением от красоты Венеции. Начиная с паратекста и заканчивая финальным рефреном стихотворения, перед нами раскрывается образ библейского Творца, во всем великолепии и непостижимости своей сути, чье величие и красота запечатлены в Венеции. В христианской культуре литания – это молитва, которая состоит из коротких обращений к Богу, Деве Марии или святым. «Ночная литания» Паунда открывается воззванием к Богу на французском: «O Dieu, purifiez nos coeurs! // Purifiez nos coeurs!» [1, с. 190] («О Боже, очисти наши сердца! // Очисти наши сердца!» – *Здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. Д.*).

Оборот «purifiez nos coeurs» рефреном звучит в тексте четыре раза, разбивая его на части, из которых, как сияющий витраж старинного собора, складывается образ Бога, неотрывно связанный с образом Венеции. Сам рефрен представляет собой парафраз строки из Псалтири: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс 50: 12), что на французском языке звучит как «O Dieu! Crèe en moi un coeur pur, Renouvelle en moi un esprit bien dispose» (Ps 51: 10). Псалом 50 (51) – мольба царя Давида к Господу о прощении за грех, совершенный с Вирсавией. У Паунда обращение не от первого лица единственного числа, как в Библии, а от первого лица

множественного числа. Однако во фрагменте, следующем за рефреном, лирический герой говорит о себе: «Yea the lines hast thou laid unto me // in pleasant places, // And the beauty of this thy Venice // hast thou shewn unto me // Until is its loveliness become unto me // a thing of tears» [1, с. 190] («Да, строки, что ты вложил в меня // на милых площадях // И красоту этой твоей Венеции // Показал ты мне // Пока ее очарование не стало для меня // предметом слез»).

Возвышенная библейская лексика (hast вместо has, thou вместо you, unto вместо to) и грамматические структуры (hast thou laid unto me, hast thou shewn unto me), напоминающие псалмодию, укладываются в версет, в котором каждое предложение представляет собой отдельный стих. Все это связывает стихотворение и с полифонической музыкальной формой версета, появившейся в католической традиции в XVI веке и заменявшей в богослужении отдельные стихи при исполнении псалмов. Полифонии музыкального версета соответствует полифония поэтического версета Паунда. В тексте присутствуют, как минимум, пять голосов: голос лирического героя, обращающегося к Богу от своего лица, голос лирического героя, обращающегося к Богу от лица всех людей, до которых он доносит красоту Венеции и которые ее созерцают, голос библейского Давида на французском языке (см. рефрен), голос Давида на английском языке (парафраз из псалма, представленный в рефрене, повторяется в тексте и на английском: “make clean our hearts within us”), наконец, голос пророка Иезекииля, удостоившегося видения подобия Славы Господней. Образ Венеции, воспетый поэтом в такой форме, становится образом Града Божия, подобием красоты самого Творца, дарующего людям Венецию как чудо, которое воспевают поэт, вдохновленный Богом («Да, строки, что ты вложил в меня...»). За тремя последовательными восторженными восклицаниями лирического героя следует четвертое, прерывающееся рефреном «purifiez nos coeurs»: «O God of silence, // Purifiez nos coeurs // Purifiez nos coeurs // For we have seen // The glory of the shadow of the // likeness of thine handmaid» [1, с. 190] («О Боже молчанья // Purifiez nos coeurs // Purifiez nos coeurs // Ибо мы видели // Славу тени // подобия твоего творенья»).

Рефрен как бы проводит границу между миром действительности, миром восприятия лирического героя и миром Божественной славы, подчеркивая экстатический восторг от созерцания мистического образа Града Божия, находящегося в то же время в современной действительности. Выражение «слава тени подобия твоего творенья» (“The glory of the shadow of the likeness of thine handmaid”) есть не что иное, как аллюзия на Книгу пророка Иезекииля и конкретно на сюжет о видении подобия Славы Господней (Иез 2: 1). Сравним это выражение с вариантом из английской королевской Библии: “This was the appearance of the likeness of the glory of the Lord. And when I saw it, I fell upon my face” (Ezek 1: 28). И далее в тексте: «And before the holiness // Of the shadow of thy handmaid // Have I hidden mine eyes» [1, с. 192] («И пред святостью // Тени твоего творения // Я спрятал глаза свои»).

Параллель двух текстов не требует дополнительных комментариев. Виртуозно играя словами в парафразах библейского текста, поэт представляет

саму Венецию как подобие Славы Господней: “For I have seen the shadow of this thy Venice” («Ибо я видел тень этой твоей Венеции», образная параллель к строке «слава тени подобия твоего творенья»). Величие Бога проявляется в тени подобия его красоты – в Венеции. М. Алексэндер пишет: «‘Ночная литания’ – это гимн городу, эстетический Магнификат, преобразующий темы, ритмы, идиомы и цитаты из Библии, чтобы воспеть красоту Венеции. Дерзость таких перестановок сочетается с простотой, поскольку для поэта естественен политеизм» [2, с. 59]. Действительно, сквозь библейскую образность и стилистику здесь отчетливо проступает образ (или образы?) языческого божества. Парафраз из Псалтири, как эхо повторяющийся в тексте, перемежается с обращениями к Богу в таких формах, которые можно трактовать как политеистические: “God of waters”, “God of the night”, “God of silence”, что вполне естественно для Паунда, бунтовавшего против религии. Произведение завершают следующие строки: «Even as are thy stars // Silent unto us in their far coursing, // Even so is mine heart // become silent within me. // Purifiez nos coeurs // O God of the silence, // Purifiez nos coeurs // O God of waters» [1, с. 192] («И как твои звезды // Молчаливо на нас [взирали] со своих дальних путей, // так и мое сердце // Исполнилось молчания во мне. // Purifiez nos coeurs // О Бог тишины, // Purifiez nos coeurs // О Бог вод»).

Эти строки соотносятся с Третьей Книгой Царств, где повествуется о пророке Илии, ищущем встречи с Богом, находящем Бога в тихом дуновении ветра: «И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (3 Цар 19:11–12). Подобно Илии, испытавшему видение сокрушительного ветра, землетрясения и огня, и узревшему Бога в веянии тихого ветра, лирический герой испытал видение Венеции, как вспышку, после которой его сердце погрузилось в тишину. И вновь сквозь библейское проступает языческое: рефрен-парафраз из Псалтири перемежается восклицаниями «О Бог тишины», «О Бог вод». Через образ Венеции, воспетой посредством библейских аллюзий, в текст вступают – и завершают его – языческие мотивы.

В стихотворении «Occidit» библейское вновь сплетается с языческим. Название стихотворения отсылает к Книге Экклесиаста в латинском переводе Библии (Вульгате): «Oritur sol et occidit et ad locum suum revertitur ibique renascen» (Eccl 1:5), «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» (Еккл 1:5). Таким образом, диалог с Библией начинается с паратекста стихотворения, указывая на центральный образ произведения, солнце, и определяя основной мотив произведения – круговорот сущего. С библейского же образа начинаются первые строки стихотворения: «Autumnal breaks the flame upon the sun-set herds. // The sheep on Gilead as tawn hair gleam» [1, с. 246] («Осенний вспыхивает пламень над закатными стадами. // Овцы на Гилеаде рыжеватой шерстью сияют»).

Эти строки – аллюзия на Песнь Песней, где волосы возлюбленной сравниваются со стадом, сходящим с горы Гилеадской (Песн 4:1). Образ этот не только воспеваает красоту прекрасной возлюбленной в Песни Песней, но и указывает на красоту и изобилие Гилеада. Вплетенный в канву произведения Паунда, он также призван воспеть красоту заката.

Далее в тексте внезапно предстает образ Митры, индоиранского солнечного божества: «Neath Mithra's dower and his slow departing, // While in the sky a thousand fleece of gold // Bear, each his tribute, to the waning god» [1, с. 246] («Под даром Митры и его медленным умиранием, // В то время как в небе тысячное златорунное стадо // Простирается, каждое руно в его честь, уходящего бога»).

Златорунные стада овец на Гилеаде – это облака, сияющие в закатном величии Митры – умирающего и воскресающего бога, дневного светила, чья красота воспеваается через красоту образа, представленного в библейском тексте Песни Песней. Последующие строки стихотворения – это развернутое сравнение облаков с гобеленами, висящими в знак приветствия короля и его процессии, шествующей на небеса, в чертоги, где воскресают легендарные герои (аллюзия на Вальхаллу). С королем сопоставляется величественное закатное солнце, чью душу забирает в свои чертоги Ауфидус, западный ветер. Так, в стихотворении перед нами предстает цепь из нескольких образов: библейского (стада Гилеада), языческого индоиранского (Митра), западноевропейского средневекового (королевская процессия и гобелены как знак приветствия короля), мифологического скандинавского (небесные чертоги для героев) и, наконец, мифологического древнегреческого – Ауфидус, название реки в Апулии, Паунд же называет так западный ветер, уносящий души в царство мертвых. Западный ветер также связан с кельтскими представлениями об островах блаженных, располагающихся в океане на западе. Таким образом, поэтическое описание природного явления, заката солнца, превращается у Паунда в развернутую сложную метафору, состоящую из аллюзий на различные культуры. Среди этих аллюзий библейские, как видится, имеют особое значение: в образном ряде самого стихотворения стада Гилеада выполняют ту же функцию, что и другие образы, – описание заката, – однако паратекст стихотворения определяет преимущество библейских смыслов. Аллюзия на Книгу Экклесиаста в названии прямо указывает на конкретный стих: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» (Еккл 1:5). Библейский проповедник убеждается в невозможности познать Бога, в бессилии и незначительности человека перед тайной мироздания и процессами, происходящими в нем. Однако при этом он не сомневается в Боге. Описывая повторяющиеся явления суетного мира, Экклесиаст утверждает величие Творца этого мира, глубину непознаваемой тайны. Подобно библейскому проповеднику, лирический герой стихотворения Паунда, описывая движение солнца как круговорот, утверждает величие и совершенную красоту сил природы, конкретнее солнца. В стихотворении не идет речь о едином библейском Боге, напротив, большинство образов, предстающих перед нами, имеют языческое происхождение. Однако Паунд не

отрицает библейскую образность и стилистику, поскольку они несут в себе категорию прекрасного. В библейских текстах, что неудивительно, поэт находит много созвучий ясному, свежему восприятию первоначальной красоты мира, изображению которой он уделяет очень много места во всем своем творчестве, и особенно в ранней лирике. Что касается стихотворения «Occidit», библейское не только позволяет живописать образ закатного солнца, дополняя его красоту, но и выступает своеобразным метатекстом для всего произведения.

Паунд прибегает к библейской стилистике и образности, чтобы передать наиболее значимые для него образы, выразить их величие и торжественность. Несмотря на смелые сопоставления библейского и языческого, в его произведениях не присутствует и тени иронии по отношению к какой-либо из сторон подобных параллелей. Если, к примеру, Т. С. Элиот в своей ранней лирике включает в текст библейские образы, чтобы усилить иронию над героем своего произведения, а в зрелой – чтобы углубить трагичность живописуемой им действительности, то Паунд, напротив, в ранней лирике усиливает величие своих образов за счёт библейского пласта интертекста. Ставя перед собой задачу очистить поэтический язык от всего лишнего, вернуться к истокам, поэт в своем художественном пространстве воскрешает к жизни языческое, в его эстетическом сознании представляющее первоначальную ясность. И величие библейских образов здесь не просто усиливает красоту и величие языческого, но как бы открывает читателю, утратившему связь с язычеством, его божественность и глубину.

### Литература

1. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 887 с.
2. Alexander, M. The Poetic Achievement of Ezra Pound / M. Alexander. – Los-Angeles: University California Press, 1981. – 247 p.
3. Bible Lois Segond.
4. Biblia Sacra Vulgata.
5. The Holy Bible containing the Old and New Testaments. King James version.
6. Tytell, J. Ezra Pound: The Solitary Volcano / J. Tytell. New York: Doubleday, 1987. – 368 p.